

УДК 1(091)

ВИТГЕНШТЕЙН О НАМЕРЕНИИ И ТЕОРИЯХ ДЕЙСТВИЯ

К. А. Родин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
rodin.kir@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются заметки Витгенштейна относительно «теорий» действия в более общем контексте проблемы интенциональных состояний. На примере статей Майкла Скотта (автор описывает исторический контекст некоторых теорий действия – кинестетической теории действия и теорий иннервации – выступивших объектом критики Витгенштейна) показано незначительное влияние историко-философской реконструкции на понимание соответствующих заметок Витгенштейна. Тексты позднего Витгенштейна направлены против сравнительно универсальных методологических и метафизических принципов. И поэтому критика отдельных теорий действия может выступать только в качестве факультативной иллюстрации и необязательным предварительным условием интерпретации и понимания.

Ключевые слова: Витгенштейн, намерение, действие, интенциональные состояния, кинестетический образ, философская проблема.

Для цитирования: Родин, К. А. (2020). Витгенштейн о намерении и теориях действия. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С.88-94. DOI:10.47850/RL.2020.1.2.88-94

WITGENSTEIN ON INTENTION AND THEORY OF ACTION

K. A. Rodin

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
rodin.kir@gmail.com

Abstract. In the article we examine Wittgenstein's notes on several action theories in general context of intentional states. We show (based on the articles of Michael Scott) that the kinesthetic theory of action and theories of innervation, which were the object of criticism of Wittgenstein, do not play an essential role for understanding Wittgenstein's texts and therefore in this case the influence of historical and philosophical reconstruction on the understanding of Wittgenstein's corresponding notes can be considered insignificant. Late Wittgenstein's texts are directed against comparatively universal methodological and metaphysical principles. And therefore, criticism of theories of action can only serve as an optional illustration and an optional precondition for interpretation and understanding.

Keywords: Wittgenstein, intention, action, intentional states, kinesthetic image, philosophical problem.

For citation: Rodin, K. A. (2020). Wittgenstein on intention and theory of action. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 88-94. DOI:10.47850/RL.2020.1.2.88-94

Многие заметки позднего Витгенштейна имеют дело с «природой» намерения и грамматикой слова «намерение». Простой перебор значимых контекстов к теме интенции в рукописях и манускриптах Витгенштейна занял бы несколько страниц. Одновременно

«интенция» неразрывно переплетается в текстах Витгенштейна с разбором других понятий интенциональных состояний (например, желания и убежденности). Комментаторская историко-философская литература по теме насчитывает среди известных и влиятельных десятки источников (см., в частности, работы Криспина Райта). Однако и актуальное современное исследование «интенциональности» не обходится без ссылок на работы Витгенштейна (см., например: [Kalis, 2019]). Поэтому для историков философии закономерным становится вопрос о подходах к прочтению Витгенштейна: необходим ли исторический контекст (реконструкция критикуемых взглядов и концепций) или же лучшего понимания можно добиться в порядке актуализации заметок Витгенштейна по отношению к современным исследованиям по проблеме интенциональности (и пр.). Мы в нашей статье ограничимся лишь короткой иллюстрацией в оправдание второго подхода и сузим проблему намерения заметками Витгенштейна по теории действия. Действительно: теория действия – один из контекстов появления «намерения» в текстах Витгенштейна. В настоящей статье мы на примере обсуждения Витгенштейном теории действия (проблемы различия между намеренным и произвольным действием) продемонстрируем относительную неактуальность для понимания Витгенштейна реконструкции исторического контекста и критикуемых Витгенштейном теорий действия.

Известно: никакой специальной теории действия Витгенштейн не разрабатывал и никакие отдельные теории действия не подвергал критике или рассмотрению. Понятие воли и волевого произвольного (намеренного) действия интересовали Витгенштейна исключительно в контексте исследования внутренней грамматики языковых игр и связанных с языковыми играми разнообразных человеческих практик. Поэтому Витгенштейн обращается к отдельным теориям действия только на уровне примеров и с целью разоблачения-девальвации философских проблем – проблемы природы намерения или воли в намеренном волевом действии – и с целью демонстрации концептуальной путаницы и одновременно отсутствия реальных оснований для постановки и решения проблемы. Витгенштейн обычно дает простые и интуитивно понятные формулировки.

Процитируем § 621 «Философских исследований» [Wittgenstein, 1958]:

...когда «Я поднимаю мою руку» – моя рука поднимается. И возникает проблема: что останется, если я из того факта, что я поднимаю мою руку, вычту тот факт, что моя рука поднимается.

Любая теория действия должна будет иметь дело с вариантами подобного вопроса. Обозначим остаток за X . На протяжении нескольких параграфов Витгенштейн разбирает различные варианты: вместо X можно подставить кинестетическое ощущение (сохранившийся в памяти процесс осуществленного действия), намерение, интенцию, волю или сознание, неопределенное ментальное состояние или акт, иннервацию и прочее. Намеренность действия (вместе со способностью отличить намеренное произвольное действие от произвольного) можно объяснить наличием предваряющего кинестетического ощущения или как-то иначе. Волю можно попытаться свести к ощущению. Но X должен обосновывать различие между произвольным и произвольным действием.

Так можно кратко описать проблему.

Майкл Скотт реконструировал контекст соответствующих параграфов «Философских исследований» (см.: [Scott, 1996] и [Scott, 1998]). Оказывается: Витгенштейн в первую очередь критикует идеомоторную теорию действия Уильяма Джеймса. В идеомоторной теории воля редуцируется к представлению: опыт однажды совершенного действия якобы отпечатывается в памяти в виде кинестетического образа и в дальнейшем через воспоминание гарантирует намеренность совершаемого действия. В произвольном (намеренном) действии кинестетический образ выполняет роль своего рода маршрутной карты (или пускового механизма) для намеревающегося совершить произвольное действие. Иначе: в намеренном действии субъект пытается воспроизвести по кинестетическому образу приводящее к известным результатам действие. Следовательно: намеренное действие – почти как идеомоторный акт (цепочка связанных идеомоторных актов), когда представление о сокращении мышц приводит к произвольному действительному сокращению мышц и обеспечивает намеренный характер действия.

Для Витгенштейна некоторые случаи намеренного волевого действия, очевидно, фальсифицируют идеомоторную теорию. Пример, есть не связанные с кинестетикой намеренные действия (счет в уме и пр.). С другой стороны, кинестетический образ можно вызвать в памяти волевым усилием (будет воспроизводиться регресс до бесконечности: намерение иметь намерение). И поэтому волю невозможно редуцировать к представлению.

Такие примеры из Витгенштейна легко изложить в форме аргументов против идеомоторной теории (что и сделал в упомянутых статьях Майкл Скотт).

Майкл Скотт перечисляет возможные аргументы Витгенштейна и против различных теорий иннервации: против ощущения иннервации как единственного и достаточного условия намеренности совершаемого действия (в таких теориях вместо идеи-представления воля редуцируется к ощущению). Мы не будем их воспроизводить.

В совершенно общем виде критические замечания Витгенштейна можно представить через последовательное отрицание различных ментальных (произвольно сконструированных) посредников между субъектом и намеренным действием. Намеренность действия определяется общностью человеческих практик и языковых игр (внутри которых намеренность действия в обычных условиях не вызывает сомнений).

Люди легко различают произвольные (намеренные) и непроизвольные действия.

Намеренные действия сознательны.

Мои намеренные действия не удивляют меня и не кажутся странными.

Намеренное действие (движение) я всегда могу прекратить.

От меня ожидают намеренных действий вследствие приказа или просьбы.

Намеренные действия – последовательные и скоординированные (целенаправленные).

Намеренные действия связаны с осознанным решением действовать.

Намеренные действия расцениваются другими людьми всегда определенным образом и могут повлечь определенные последствия (хотя бы и в юридическом смысле). И прочее¹.

Нам трудно понять стратегию Майкла Скотта. Выше мы кратко воспроизвели избранные положения из указанных статей. Пред нами или реконструкция логики рассуждений Витгенштейна, или восстановление исторического контекста. В рамках историко-

¹ Намерение – важная тема в современной философии морали. Косвенным образом Витгенштейн – через Элизабет Энском – постоянно сопутствует современным обсуждениям проблемы природы намерения.

философской работы важность контекста отрицать трудно. Однако отрицать важность контекста при чтении (и понимании) Витгенштейна вполне возможно.

Майкл Скотт настаивает на важности исторического контекста различных теорий действия при чтении Витгенштейна (будто в противном случае текст будет трудно или невозможно понять). В итоге складывается картина: существует проблема – проблема остатка *X* и связанная проблема различия между произвольными (намеренными) и непроизвольными действиями – и существуют различные варианты решения проблемы (критически разобранные и отвергнутые Витгенштейном) – и существует отдельная позиция Витгенштейна. Относительно Витгенштейна такая картина не кажется правдоподобной. Для Витгенштейна философская проблема должна быть изгнана. В основе любой философской проблемы лежит, согласно Витгенштейну, путаница и непонимание внутренней грамматики языка. Но перечисление обычных способов различения между произвольными и непроизвольными действиями в контексте обычных языковых игр и практик не решает задачу. Пусть даже у Витгенштейна был ответ на проблему. Тогда такой ответ много проще перечисления обстоятельств и языковых игр по различению произвольных и непроизвольных действий. Витгенштейн говорит о естественном выражении намерения: взгляни на кошку, подкрадывающуюся к птице, или на зверя, который хочет убежать (§ 647). Очевидно предполагается радикальный редукционизм до полного исчерпания поставленной в § 621 проблемы. Витгенштейн будто задает читателю два направления: необходимо распознать ошибочность или иногда даже нелепость философских попыток отличить и обособить намерение от действия. И необходимо увидеть неотличимость намерения-воли от действий и обстоятельств. Различные теории действия служат эпизодическими примерами и иллюстрациями и больше соответствуют первому направлению.

Нам кажется важным второе направление. Мы близко к тексту воспроизведём рассуждения Витгенштейна из некоторых параграфов.

Параграф 642. «Я ненавижу его в тот момент». Или хотел обидеть. Ненависть можно вспомнить, разыграть, но всегда только вместе с сопутствующими действиями, например, с сопутствующим выражением лица. Пусть намерение (смысл слов и действий) диктовалось ненавистью. И теперь стыдно. Но стыдно не за намерение. В связи с предшествовавшими обстоятельствами всегда вспоминаются мысли и чувства или слова (§ 645). Иногда я не могу вспомнить отдельные слова или действия, и, кажется, помню только намерение, или чувство ненависти, с которым что-то было сказано или сделано. Но и здесь намерение не отличить от действий, мыслей и обстоятельств. Или можно отличить, но только через определенный тип воспоминания – через ретроспективное вменение себе ненависти как основного мотива и смысла действий. Но здесь я тогда что-то хочу сказать о самом себе (§ 659). Намерение невозможно во временном отношении отделить от действия (или только ретроспективно). Поэтому намерение становится неотличимым от последующего ретроспективного вменения или может быть обособлено только как последующее ретроспективное вменение. Итак: намерение не предшествует во времени и неотделимо от действия. Однако любые попытки определить намерение (или волю-сознание, или ментальные состояния, или ощущения, или воспоминания) в качестве причины (или основания, или оправдания) акта совершения или факта осознанности (произвольности) действия неизбежно должны исходить из какого-то обособления намерения.

Обратимся к нескольким параграфам из «Zettel» [Wittgenstein, 1967]. Там намерение обсуждается уже безотносительно теорий действия. Общий контекст разговора задается рядом очевидно прямых утверждений. Например:

...гармонию между мыслью и действительностью следует искать в грамматике языка (§ 55) (пер. В. Анашвили).

Поэтому наведение мостов между сознанием или интенциональными состояниями и действительностью (между намерением и действием) не требуется. Теоретическая конструкция интенциональных состояний напоминает несуществующий глагол со значением «сформулировать намерение в словах или других знаках...». Такой глагол не совпадал бы по значению с нашим глаголом «намереваться» (§ 49). Метафизическая конструкция интенциональных состояний просто не совпадает и фактически никак не связана с употреблением понятий «намереваться» и пр. Из странной потребности придать намерению фиксированный смысл (или указать на сознание как на некий неопределимый источник и вместилище намерений) в противоречии с реальным контекстом языковых игр (только через которые и только внутри которых понятие намерения имеет смысл) формулируется несуществующая проблема.

Намерение (интенция) не является ни душевным порывом, ни настроением, ни ощущением или представлением. Оно – не состояние сознания. У него нет подлинной длительности (§ 45).

Из параграфа очевидна несостоятельность для Витгенштейна идеомоторной теории действия и теорий иннервации. Хотя Витгенштейн обсуждает здесь (и в нескольких ближайших параграфах) «длительность» намерения (отсутствие подлинной длительности у намерения), никакой вариант интенционального определения намерения не может считаться верным. Возможная и почти автоматически выводимая критика отдельных теорий действия играет подчиненную роль, и исторический контекст таких теорий не имеет значения. Намерение непосредственно связано с ситуацией (ситуация порождает намерение) и неотлично от ситуации (§ 67).

Есть лишь один способ описания намерения в отрыве от действия (или ситуации намеренного действия) – ретроспективный: иногда требуется описать совершенные действия как намеренные или ненамеренные – с определенной точки зрения и с определенной целью. И тогда «я рисую определенный портрет процессов» (§ 23). Подобное описание возможно в рамках отдельной языковой игры (или языковых игр) и не должно служить основанием для поисков объективной «природы» намерения и намеренного действия.

Итак, нам удалось воспроизвести некоторые линии в рассуждении Витгенштейна относительно намерения (и уже безотносительно критики теорий действия):

Намерение нельзя рассматривать в качестве отдельного интенционального состояния сознания.

Намерение не объясняет (и в причинном отношении тоже не объясняет) намеренного действия.

Намерение неотлично от соответствующей ситуации намеренного действия.

О намерении можно говорить независимо от ситуации намеренного действия только ретроспективно – в порядке участия в языковых играх (например: языковая игра вменения вины).

Заметки о намерении у Витгенштейна переплетены с многочисленными другими темами и контекстами, с описанием других «интенциональных состояний». Однако в невозможности отделить намерение от ситуации намеренного действия усматривается общая и центральная для Витгенштейна тема «внутренних отношений» (см. подробнее: [Macha, 2015]) («объекты» находятся во внутреннем отношении, если невозможно представить их вне этого отношения). Собственно: прояснению внутренних отношений между грамматикой языка и действительностью и должен был служить критический разбор различных теорий действия. Но знание конкретных теорий (с которыми совершенно бегло полемизирует Витгенштейн) вовсе не необходимо для правильного понимания текста. Нам представляется интересным другой подход: читать Витгенштейна лучше (даже в рамках историко-философской работы) без налагаемых историческим контекстом ограничений (сам Витгенштейн принципиально ссылается на очень небольшое число предшествующих философов или философских произведений) и пытаться соотнести заметки Витгенштейна с современными исследованиями.

Список литературы / References

Kalis, A. (2019). No Intentions in the Brain: A Wittgensteinian Perspective on the Science of Intention. *Frontiers in Psychology*. 10:946. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00946

Macha, J. (2015). *Wittgenstein on Internal and External Relations: Tracing all the Connections*. Bloomsbury.

Scott, M. (1996). Wittgenstein's philosophy of action. *The Philosophical Quarterly*. no 46(184). pp. 347-363. DOI 10.2307/2956446

Scott, M. (1998). The Context of Wittgenstein's Philosophy of Action. *Journal of the History of Philosophy*. no 36(4). pp. 595-617. DOI: 10.1353/hph.2008.0962

Wittgenstein, L. (1958). *Philosophical Investigations*. G.E.M. Anscombe, R. Rhees. (transl.). Oxford.

Wittgenstein, L. (1967). *Zettel*. G.E.M. Anscombe, G. H. von Wright (eds.). G.E.M. Anscombe (transl.). Oxford.

Сведения об авторе / Information about the author

Родин Кирилл Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: rodin.kir@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-6582-8939>

Статья поступила в редакцию: 20.10.2020

После доработки: 18.11.2020

Принята к публикации: 28.11.2020

Rodin Kirill – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer of Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8, e-mail: rodin.kir@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-6582-8939>

The paper was submitted: 20.10.2020

Received after reworking: 18.11.2020

Accepted for publication: 28.11.2020